

Интеллигенция и цитата из Матфея

Виктор Шендерович*

*Виктор Анатольевич Шендерович (род. 15 августа 1958, Москва) занимался в театральной студии п/р Олега Табакова, работал преподавателем сценического движения в ГИТИС (ныне РАТИ) и театральном училище им. Щукина. Печатается с середины 1980-х. Вел колонку в газете «Московские Новости». Автор программ «Куклы» и «Итого» на телеканале НТВ (1995-2001), «Бесплатный сыр» на канале ТВС. Двукратный лауреат высшей телевизионной премии «Тэффи» (1996, 2000). После ликвидации в России независимого телевидения сотрудничает с радио «Эхо Москвы» и радио «Свобода», публикуется в журнале «The New Times». Член Русского Пен-Клуба, лауреат российских и международных премий, в т.ч. премий «Золотой Остап» (Санкт-Петербургский фестиваль юмора), «Золотое перо России» и «Журналистика как поступок». Лауреат премии Московской Хельсинкской Группы в номинации «За защиту прав человека средствами культуры и искусства». Проза и драматургия переведены на английский, немецкий, французский, персидский, украинский, эстонский, финский и польский языки.

Про интеллигенцию столько писалось и говорилось, что претендовать на новизну странновато; этот текст – всего лишь попытка собрать в несколько абзацев самые важные (для меня) соображения, цитаты и примеры.

Пятнадцать лет назад артист эстрады Геннадий Хазанов, выступая в Международном университете в Москве, уведомил юношество, что «судьба российской интеллигенции подходит к своему естественному концу».

Упомянул в качестве современного идеала Лопахина (традиционно-ошибочно записав в интеллигенты Раневскую); заявил о благости слияния с властью и целования ее в плечико во имя финансирования... В общем, сформулировал те нравственные принципы, в которых, разумеется, и к тому времени не было ничего нового.

А уж за прошедшее пятнадцатилетие эти правила стали в России доминирующей нормой: никто и не оправдывается. Лопахина давно "заказал" лакей Яша, а на костях интеллигенции с тех пор не сплясал только самый ленивый. Да и сама интеллигенция пустилась в такие тяжкие, что впору протирать глаза...

Интеллигенция ли?

Декарт говорил, что человечество избавилось бы от половины несчастий, если бы люди смогли договориться о значении слов.

Слово "интеллигенция", безусловно, из ряда тех понятий, про которые - не договорились. Некое смысловое облако покрывает разом все его дефиниции: от "интеллектуала, находящегося в оппозиции к правительству" с пометкой (rus) в старом английском словаре - проездом через советскую прослоечную "народную интеллигенцию", означавшую техническое обслуживание рабочих и крестьян - до убийственного зощенковского "он не интеллигент, но в очках", привязывающего бывшего "интеллектуала в оппозиции" напрямик к диоптриям...

А есть еще и "творческая интеллигенция" (в настоящее время, видимо, воплотившая в лице художника Никаса Софронова, певца Газманова и прочего обслуживающего персонала кооператива упырей).

В общем, гуляй не хочу.

Меж тем, это было - самоназвание. Попытка обозначить круг людей, принимающих на себя некоторые добровольные обязательства и ограничения. Всего лишь. Но и не менее того.

Ты считаешь, что эти ограничения и эти обязательства имеют к тебе отношение? – вот ты уже и внутри. Ты считаешь, что эти ограничения и обязательства для тебя накладны? – вот бог, вот порог. Меня только хоронить не надо, ладно?

Чехов, приезжая в Мелихово, поднимал над именем белый флаг, и окрестные жители знали: врач дома, и можно получить помощь. Бесплатную, разумеется: гонорар превращал бы белый миссионерское знамя в рекламный трюк.

«Я московский студент», - напоминал коллеге Борменталю профессор Преображенский, в ответ на предложение уйти из-под удара, выехав на мировой известности и оставив под ударом товарища...

Моральные обязательства и моральные ограничения. Не более того. Но и не менее.

Среди ограничений (привет Хазанову и Ко), имеется и требование держать дистанцию с властью. Не обязательно противостоя ей (в староанглийском словарном значении слова). Можно сотрудничать (тот же Чехов участвовал в переписи), можно советовать (Лихачев пытался)... Можно даже поддерживать, если убеждения позволяют, - но не становиться в очередь за куском!

Интеллигентно ли защищать власть? Иногда - вполне. Когда в октябре 1993-го старый Зиновий Гердт пришел к Моссовету и призвал москвичей прийти в новое ополчение против фашизма, - это было образцом интеллигентного поведения. Но Гердт был бы оскорблен, если бы его поступок попытались оплатить.

Правила поведения. Правила, разумеется, вполне универсальные и не требующие непременно обучения в университете (тот же Гердт, например, окончил ФЗУ).

Офицерский кодекс хрестоматийного таможенника Верещагина ("я мзду не беру, мне за державу обидно") - вполне совпадает с кодексом интеллигентским, и полковник Вершинин, со всей очевидностью, был интеллигентным человеком...

Но если советское "рабоче-крестьянское" офицерство, выросшее на месте уничтоженной "белой кости", имело довольно малое отношение к условиям чеховских героев (за время своей службы я встретил только одного офицера, которого можно было представить в декорациях "Трех сестер"), то советская интеллигенция каким-то удивительным "воздушно-капельным" путем получила довольно ясное представление о правильных нормах!

Это звучит странно, но как минимум половина людей в застолье моих родителей - совершенно советского по политическим убеждениям! - могла с полным правом сказать о себе слова профессора Преображенского, в их точном внутреннем смысле. Читатели братьев Стругацких вполне соответствовали неписанным правилам дореволюционных выпускников МГУ.

Чехова они тоже читали, и это была единая экологическая система...

Казалось бы, вот он, общий знаменатель! Но увы, сами по себе "правильные" книжные полки ничего не гарантируют, и знание об этом - печальный опыт уже новых времен.

В советское время водораздел проходил именно по "культурному коду": вы цитируете Маркса, а мы - Ильфа и Петрова! Человек, откликавшийся на цитаты из Булгакова и Пастернака, с огромной вероятностью был "свой", и распознавание занимало несколько секунд.

Сегодняшние подлецы легко процитируют весь интеллигентский корпус текстов - и сдадут вас безо всяких рефлексий; и начальство вылижут бестрепетно,

и мзду возьмут безо всякой обиды за державу. Булгаков или (теперь) Бродский - стильно, и не более того. Этика как бы выпарена из книг, знание классики стало приличной одеждой, правильным "прикидом" для выхода в светское общество...

Привет Декарту; пора возвращаться к дефинициям.

Правила поведения. Ясные представления о добре и зле. Традиции гуманизма (извините). Книги, усвоенные организмом, а не стоящие мертвым кубиком, как аптечка для предъявления инспектору ГИБДД. И да - эти представления и эти правила надо утверждать, на них надо настаивать каждый день!

Никакой единой нормы нет и быть не может - их хренова туча, этих норм, и новорожденные ориентируются на папу с мамой, и становятся такими, какими становятся, даже не подозревая, что можно вести себя по-другому. А папа с мамой по преимуществу смотрят телевизор с Соловьевым и читают "Комсомольскую правду"...

Надо знакомить новоприбывших с иными правилами и иными нормами. Это то небольшое, что может интеллигенция – сохраниться самой и предлагать альтернативу окружающим. Предлагать ее – прежде всего собственным поведением, отличным от доминирующей нормы.

"Не принимать причастие буйвола" (Белль). Не участвовать в подлости (Фазиль Искандер). Отличать Отечество от Его Превосходительства, а патриотизм - от пирога с казенную начинкой (Щедрин). Сторониться всякой толпы. Не путать иронию с цинизмом. Не терять способности к сочувствию.

Так – может быть, и не "победим", но как минимум самосохранимся, к досаде дезертиров. А если приспустим колки, махнем рукой и поплывем по течению – сгинем, разумеется.

Ибо "если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?" (от Мф., 5: 13)

* * *

The following is a partial transcript of a radio interview on the Russian intelligentsia's collaboration with the government that Viktor Shenderovich gave to "Echo of Moscow" on March 15, 2018, <https://echo.msk.ru/sounds/2165336.html>.

Я сказал, что мне заведомо невозможно быть объективным. Потому что да, он [Олег Табаков] был царедворец, и не с Путина это началось. А с Хрущева как минимум, которого он должен был играть. И только снятие Хрущева избавило нас от Табакова, он должен был играть Хрущева.

Я понимаю его целеполагание. Оно мне кажется ущербным. Оно мне кажется, и он понимал неабсолютность этого целеполагания. Он ничего не делал для себя. В 68-м году он, любимец свободной Праги, любимец Гавела, Кундеры, игравший Хлестакова в Праге, он не сыграл в России Хлестакова, это вообще немыслимо, он рожден был для этой роли. Он сыграл в Праге. Он был любимцем в феврале 68-го года «Пражской весны». Это была точка слияния Чехии и России. Культуры. Любимец всех этих людей и всей Праги.

И потом от него потребовали одобрения, и он пытался увернуться. Он сам об этом рассказывал, не удалось увернуться. И ему Гавел и Кундера вернули подарки, которые он им дарил. Прислали. Потом он пытался увернуться от крымского, когда другие оккупанты пришли, уже в другой стране. Тоже родные.

Вопрос очень прост. Есть Новодворская, Марченко, Сахаров... Есть нравственный выбор в чистом виде. И есть попытка делать свое дело науку, искусство, медицину – делать свое дело в данных исторических условиях. Гитлер тут, Сталин, кто угодно. Вот свое дело.

Это в просторечии называется Джордано Бруно и Галилео Галилей. Вот и весь разговор. Сгореть за свои убеждения или плюнуть и поцеловать злодею ручку, как сказал после Галилей Савельевич Пушкинский. Поцеловать злодею ручку, выжить, а так глядишь... Или драить стеклышки как Галилей, делать свое дело. А то, что земля круглая, она вертится, выяснится через какое-то время благодаря Галилею в том числе. И благодаря Джордано Бруно. Дальше в том, что каждый живет свою жизнь, у него своя органика. От меня нельзя требовать, чтобы я бегал как Усейн Болт, наверное. В то же время от Усейна Болта не следует требовать эссе на русском языке. Ну каждый для чего-то рожден. Новодворская – это выбор, и человек платит за этот выбор. Табаков условный несть числа, я говорю не про божий дар, а про стратегию выживания. Лукавую, царедворческую, между струйками – при всех властях. Но «Современник», МХАТ – это другая стратегия. Каждый выбирает эту стратегию для себя по своей душе и каждый платит. Каждый платит, бесплатно ничего не бывает. И Табаков понимал прекрасно уязвимость своей позиции. И страдал, конечно.

Я хочу только рассказать [один случай]. Теперь это можно рассказать. Я рассказывал это без имени, а сейчас расскажу с именем. Как выглядела поддержка Табаковым аннексии Крыма. Мой знакомый был в кабинете Табакова, когда у него раздался звонок и сказали, что будет говорить министр культуры с ним. И Табаков что-то послушал, помрачнел, и сказал: «Я ничего подписывать не буду». Потом в трубке снова что-то говорили. Табаков еще мрачнел, а потом сказал: «Делайте, что хотите». И повесил трубку. Они сделали, что хотели. И его имя появилось. Вот как выглядит поддержка. И так она выглядит... Но есть, конечно, негодяи...

И Табаков видел, как им пользуются. И его оценка была вполне ясной. Он был очень трезвый человек. Повторяю, Путин был не первый. Я, только возвращаясь к теме Галилея и Бруно. Почему мы с таким радостным улюлюканьем набрасываемся на Галилея. Почему наш гнев и наше презрение обращено не к инквизиции, не к инквизиторам, а к Галилею, который, видишь ли, повел себя не так, как нам бы хотелось. А нам бы хотелось, чтобы, конечно, он пошел на костер.

Но я же цитирую из пьесы «Галилей» Брехта. Постоянно, когда ученик Галилея в пьесе Брехта говорит: несчастна страна, в которой нет героев. После отречения. А Галилей отвечает: несчастна страна, которая нуждается в героях. Давайте просто понимать, Табаков не был ангелом. Ему случилось говорить слова, о которых он, безусловно, сожалел. Ему случалось делать вещи, о которых он, безусловно, сожалел. Он сложный огромный человек. Но давайте все-таки особенно сегодня, сообразим и вспомним, что, в общем, он один из тех людей, без которых нас бы не было. Не только меня с моей персональной жизнью, как это получилось, с 15 лет. Но нас, нескольких поколений без него, без его обаяния, без его улыбки, без его ролей, без Обломова, без Искремаса, без Александра Адуева. Без этого многообразия мы были бы беднее. Просто сказать спасибо, поклониться вслед.

Я публично осудил Табакова. Когда он сказал то, что он сказал про Украину. Я его публично осудил. И не могу сказать, что это не сказало на наших отношениях. Увы. Да, есть вещи, которые приходится делать. В случае с Табаковым мне это было сделать гораздо труднее, чем в случае с остальными. Разумеется. Я и говорю, эта позиция кажется мне ущербной. Я не сомневаюсь, что он сам понимал ущербность этой позиции. Здесь нет ... одного выбора. Это выбор жизненной стратегии. Он уязвим и с той и с другой стороны. Дальше мы смотрим, не мы уже, а кто-то другой взвешивает потом на весах. И мы тоже взвешиваем на весах, за что ты заплатил такую цену – за что? В случае с Табаковым, по крайней мере, на этой чаше весов «Современник», МХАТ, поколение учеников, 60 лет этого кислорода. Да, в полном коллаборационизме с дружбами с Хрущевым, с Фурцевой, с Демичевым, Суловым. С кем угодно, до Мединского. Такое время. Он не менял время. Он не был диссидентом. Он потом выходил в последней своей роли, в роли Бургомистра в «Дракон», и всем им отдавал то, что они заслуживали.

Есть просто люди, которые балдеют от приближенности к власти. Есть люди, которые просто пилят. Их много, и мы знаем эти имена. Это очень известные имена. Очень хороших музыкантов, артистов, и так далее, которые просто пилят. Это было не про Табакова. У него было другое целеполагание. У Чулпан Хаматовой другое. Давайте различать подробности. Давайте, чтобы у нас через запятую Чулпан Хаматова и Надежда Бабкина не были. Разные случаи все-таки. Так же как давайте мы Табакова поставим через запятую да хотя бы с Д.Д. Шостаковичем, который был тоже лауреатом премии. Поддерживал и одобрял вторжение в Чехословакию. И так далее. Жертвы, которые пытались сквозь эти все времена, у них была сверхценность – собственное искусство.

Уязвимая позиция? Уязвимая. Можно ли ее не понимать, можно ли хлестать пощечины всем. Ну, можно. Но только этим ты выражаешь свой собственный объем души небольшой. Можно надавать пощечин ведь всем – Бабелю, Пастернаку, Шостаковичу ... Ахматовой, которая писала тоже про Сталина, Мандельштаму. Давайте их всех отхлещем по щекам за их коллаборационизм. Или все-таки мы будем разделять жертв и палачей.

Россия сама себя выбросила вон. Уникальный шанс вернуться в человечество после века коммунистического. Когда весь мир так был счастлив за нас, с распростертыми объятиями – возвращайтесь. Удивительно, как вы уцелели, мы за вас рады. Возвращайтесь. И было такое ощущение в начале 90-х, в конце 80-х еще, что вроде начали возвращаться. Мы выбросили этот шанс к чертовой матери. Нас запрут по периметру. Отодвинут на периферию. Мы просто на краю глобуса.

Народу спустя век после всего этого кровавого месива хочется еще одного кровавого месива, если хочется не чтобы больные лечились, получали неотложную помощь и обезболивание, а чтобы убивать, иметь право убивать и гордиться своими убийствами и гордиться тем, что нас все боятся – если народ такой, народ, коллектив, мы 140 миллионов, вот если наш суммарный вектор упирается в эту тупизну, то туда нам и дорога.